

СВЕТЛАНА
БЕЛОВА

ВИЗИТАТОР

Издательские решения

Светлана Белова

Визитатор

«Издательские решения»

2015

Белова С.

Визитатор / С. Белова — «Издательские решения», 2015

За высокими монастырскими стенами порой бушуют нешуточные страсти: зависть, алчность, шантаж и месть, скрытые под маской показного благочестия, сплетаются в один клубок низменных пороков. В этом убедился Матье де Нель, викарий епископа Орлеанского, инспектируя аббатство Святого Аполлинария. Спустя три дня после его приезда при загадочных обстоятельствах погибает пономарь, сорвавшись с колокольни. Удастся ли викарию разоблачить убийцу, уже замыслившего новое преступление?

© Белова С., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
ГЛАВА ВТОРАЯ	14
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	17
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	22
ГЛАВА ПЯТАЯ	27
ГЛАВА ШЕСТАЯ	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Визитатор

Светлана Белова

© Светлана Белова, 2015

© J. Martin-Bagnaudez, фотографии, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

События, описанные ниже, произошли во Франции в самом конце XV века. Почтенный клирик, Матье де Нель, на закате жизни решил поведать миру о некоторых загадочных происшествиях, в которых ему в своё время удалось разобраться. Он оставил на суд потомков «Мемуары визитатора»¹. Часть его воспоминаний легла в основу данной книги.

---

¹ Визитатор – духовное лицо, уполномоченное епископом на осмотр монастырей

ПРОЛОГ

Ранним утром 5 июля 1484 года парижане спешили к воротам Сен-Дени, через которые Карл VIII должен был въехать в ожидавшую его столицу.

Главное – успеть занять место поудобней, откуда можно будет рассмотреть молодого короля и его невесту. И не беда, если ждать придётся долго, событие того стоило: не каждый день Париж становился свидетелем торжественного въезда недавно коронованного монарха. По давней традиции голова Карла Валуа была увенчана золотой короной в Реймсе, но грандиозные празднества были приготовлены именно здесь, в Париже.

По распоряжению магистрата улицы очистили от мусора, фасады домов украсили яркими полотнищами и коврами, а мостовую посыпали свежей травой и цветами. На площадях по пути следования королевского кортежа установили накрытые вышитыми скатертями столы с обильным угощением.

Королевский прево и нотабли с раннего утра собрались у ворот Сен-Дени, ожидая чести сопровождать короля к собору Нотр Дам, где молодой монарх пообещает епископу Парижа оберегать вольности Церкви.

На протяжении всей улицы Сен-Дени, ведущей от одноимённых ворот к центру города, стояла плотная стена народа. Первые лучшие места, разумеется, заняли купцы и главы ремесленных цехов. Люду помельче пришлось довольствоваться задними рядами, но и там шла отчаянная борьба за право стоять поближе.

По заполненным теснившимся народом улицам ловко сновали продавцы разных яств, расхваливая свой товар, – ближайшие дни сулили им хорошие барыши. В общем, Париж с нетерпением предвкушал давно невиданные торжества.

Наконец залпы пушек на городской стене возвестили о вступлении Карла VIII в столицу. В тот же миг триста птиц, выпущенные из клеток птицеловами с Нового моста, взметнулись в небо. Многотысячная толпа восторженно приветствовала короля, заглушая своим криком звон колоколов.

Впереди королевского кортежа шло двенадцать трубачей и множество музыкантов в одинаковых одеждах цвета морской волны. Павлиньи перья, приколотые к их шляпам золотыми пряжками, весело вздрагивали при каждом шаге.

Карл ехал на поджаром белом жеребце, покрытом голубой шёлковой попоной с вышитыми на ней золотыми королевскими лилиями. На щеках короля, ещё не знавших бритвы цирюльника, играл румянец – приём, оказанный ему горожанами, очень польстил молодому монарху. За ним следовала старшая сестра, Мадам Анна де Боже и её муж – глава Регентского совета, но всему Парижу было известно, что в действительности регентом королевства была Мадам.

Вслед за Анной де Боже взору парижан предстали богатые носилки Маргариты Австрийской. Шёлковая занавеска была приподнята, давая возможность полюбоваться невестой короля. Правда, невесте было всего лишь три года, но какое это имеет значение, если у неё такие восхитительные синие глаза и прекрасные тёмные локоны.

С наступлением темноты городские кварталы осветились множеством факелов, в распахнутых окнах домов зажглись светильники и фонари. Народ, охваченный лихорадкой безудержного веселья, танцевал вокруг пылающих на площадях костров и пил впрок за здоровье щедрого монарха – по распоряжению Карла VIII вино раздавалось всем желающим.

В епископском квартале острова Сите веселились, как и во всём Париже, а то и больше, поскольку рядом с северной башней Нотр Дам и улицей Глатиньи размещались «весёлые» дома перемешку с тавернами и гостиницами сомнительной репутации.

Матье де Нель с трудом лавировал в толпе, запрудившей узкую улицу. Шум стоял невообразимый: смех, крики, звук рожков и труб сливались в оглушительную какофонию. Проходя мимо кабачка «Толстуха Марго», он имел несчастье привлечь к себе внимание девицы для утех. Несмотря на праздник, царивший в городе, ей, похоже, в этот день не везло.

– Соглашайтесь, святой отец, я дорого не беру, – не отставала девица, цепко ухватясь за полу его рясы.

Он с досадой поморщился и бросил ей монетку.

– Пойди, поищи удачу в другом месте.

– Что это вы мне как нищенке бросаете жалкие гроши! – Взвилась девица, но монетку всё же спрятала в декольте. – Я приличная девушка, а не какая-то там грязная потаскушка!

– Пошла прочь! Ты пьяна! – он резко оттолкнул проститутку. Толпа с радостным криком подхватила её, увлекая в свои недра.

Наконец показались очертания приорства Сен-Дени-де-ла-Шартр – ему непостижимым образом удалось пристроиться между Нотр Дам и Большим мостом. Здесь было не так многолюдно и менее шумно.

У самых ворот приорства лежал малый, очевидно, хвативший лишку. Его фетровая шляпа с длинным пером валялась тут же, втоптанная в пыль. Матье де Нель равнодушно переступил через распростёртое на земле тело и громко постучал.

В окошечке блеснули настороженные глаза привратника.

– Ах, это вы, брат Матье.

Лязгнул засов и ворота распахнулись.

– Помогите, святые отцы, – послышался слабый голос лежавшего на земле человека.

– Чем же мы можем помочь тебе, сын мой? – ответил привратник. – Утренняя прохлада протрезвит тебя, а с трезвостью придёт и облегчение.

– Я не пьян, святой отец, – простонал человек, тщетно стараясь принять вертикальное положение. – То есть да, я, конечно, выпил, но не столько, чтоб замертво свалиться на городской улице.

Матье де Нель взял из рук привратника факел и посветил им в лицо незнакомца.

– Постой-ка, я, кажется, тебя знаю. Вот только не могу припомнить, где я мог тебя видеть.

– На рыночной площади, святой отец. Мы давали там представления последние три недели. Я жонглёр, – пояснил малый, с трудом поднимаясь на ноги. – Послушайте, святые отцы, не могли бы вы приютить меня на несколько дней в своей обители?

Монахи понимающе переглянулись: по давней традиции преследуемый мог получить убежище в монастыре или церкви, и преступники довольно часто прибегали к этой уловке.

– Клянусь вам, святые отцы, тут нет никакого подвоха, – стал уверять жонглёр. – Понимаете, меня послали отнести деньги в таверну «Синий вебрь», но я успел добежать только до этого места, когда из темноты выскочили трое, а может и четверо, я не разобрал хорошенько, и принялись меня бить. Я оборонялся, как мог, и верьте мне, святые отцы, я знаю, как это делать, но... В общем, кожаный мешочек исчез, а я получил напоследок удар по голове такой силы, что...

Жонглёр не успел закончить свой рассказ, как из-за угла показался патруль сержантов из Шатле². Освещая дорогу факелами, они направлялись к приорству Сен-Дени-де-ла-Шартр. За ними следовали зеваки – столкновения людей короля и монахов на радость горожанам нередко заканчивались доброй дюжиной тумачков.

– У меня есть приказ арестовать жонглёра по прозвищу Зубоскал, – заявил предводитель сержантов. В руке он сжимал секиру – отличительный знак полицейского из Шатле.

Жонглёр сдавленно охнул и вжался в стену.

---

² Шатле – замок, служивший резиденцией прево Парижа, в котором также размещалась тюрьма

– Вот как? Боюсь, господин сержант, у вас ничего не получится, – ответил Матье де Нель, закрывая собой дрожавшего как в лихорадке жонглёра.

– Что вы! – вытаращил глаза привратник. – Это же люди королевского прево!

– Именно поэтому мы откликнемся на просьбу жонглёра.

– Одумайтесь, брат Матье, – не унимался привратник, – этот малый наверняка совершил нечто тяжкое, иначе сержанты не стали бы разыскивать его в такой день. В любом случае, подобное самоуправство не понравится нашему приору.

– Послушайте, святые отцы, – вмешался сержант. – После того, как я вам всё объясню, уверен, вы сами захотите отдать преступника в руки королевского правосудия.

Услышав последние слова, Матье де Нель саркастически хмыкнул.

– Этим вечером мэтр Нику, проживавший по улице Кенкампуа, был найден зарезанным в собственном доме, – вёл далее сержант, обращаясь главным образом к привратнику. – Свидетели утверждают, что преступление совершил вот этот человек, – он указал секирой на жонглёра.

– Я так и знал, – выдохнул привратник. – Господин сержант, хватайте его!

– Стойте! – крикнул Матье де Нель. Сержанты, подавшись было в сторону жонглёра, повиновались его властному голосу и замерли на месте. – Этот человек попросил убежище в приорстве Сен-Дени-де-ла-Шартр. И клянусь всеми святыми, он его получит!

С этими словами он схватил несчастного за шиворот и втолкнул его во двор. Привратник захлебнулся от негодования, но Матье де Нель резко осадил его:

– Помолчите, брат Тибо. Я сам всё улажу с господином приором, – он повернулся к возмущённому сержанту. – Сударь, хорошо ли в день королевского праздника хватать людей по ложному доносу?

– Я выполняю свой долг, – по-петушиному вскинул голову сержант.

– Вот-вот, а долг каждого доброго христианина – проявлять милосердие к ближнему, – едко заметил Матье де Нель, захлопывая ворота.

Сержантам ничего не оставалось как не солоно хлебавши покинуть квартал, где королевское правосудие было ограничено властью епископа. Не меньшее разочарование испытали и зеваки – потасовки, на которую они рассчитывали, не получилось, уж слишком быстро сдались сержанты.

Кто-то из пьяной толпы обозвал полицейских трусами, за что тут же был схвачен и, невзирая на сопротивление, уведён в королевскую тюрьму.

– Почему вы воспротивились аресту? – зашипел привратник, запирая тяжёлой щеколдой ворота. – Если этот жонглёр убийца...

– Не думаю, – прервал его Матье де Нель. – Разве вам не показалось странным, что сержанты направились напрямик сюда, будто заранее знали, где искать убийцу? Если не ошибаюсь, улица Кенкампуа находится довольно далеко отсюда.

– Тому должно быть какое-то простое объяснение, – продолжал упорствовать привратник.

– Разумеется. Его оклеветали – вот вам моё объяснение, – Матье де Нель повернулся в сторону жонглёра, нервно теребившего перо на своей шляпе: некогда достойное украшение петушиного хвоста имело теперь облезлый вид. – Но дабы не нарушать покой приорства Сен-Дени-де-ла-Шартр, в котором я всего лишь гость, я сейчас же уведу этого человека.

– Возможно, вы и правы, – пошёл на попятную привратник, явно обрадовавшись последним словам. – В конце концов, то, что сержанты сразу явились сюда, выглядит действительно подозрительно, но и вы должны меня понять. Вам-то что, вы на днях покинете Париж, а я...

– Да, да я вас отлично понимаю, – перебил его Матье де Нель. – Давайте лучше посмотрим, свободна ли улица. Чем быстрее мы покинем стены этой достойной обители, тем вам будет спокойней.

Ранним утром следующего дня им удалось без большого риска выехать из Парижа через ворота Сен-Жак. Сложности начались в Орлеане. Франсуа де Брильяк, епископ Орлеанский, возмутился поступком любимого племянника до такой степени, что пригрозил отправить строптивца назад в аббатство. Матье выдержал не одну схватку с дядей, прежде чем тот уступил и согласился спрятать беглого жонглёра в одном из орлеанских монастырей, где тот спустя год принял постриг.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ризничий³ аббатства Святого Аполлинария уныло стоял посреди монастырского сада, вдыхая по-осеннему терпкий запах спелых яблок, сухой травы и мяты. Он вполуха слушал сбивчивую речь брата Жилия и рассеянно следил за жуком, который полз по шероховатому стволу ближайшей яблони. Жук упорно преодолевал бороздку за бороздкой, спешил по каким-то своим очень важным делам, и ризничий ему отчаянно завидовал. У него тоже было срочное дело, но приходилось томиться в обществе брата Жилия, время от времени кивать головой, издавать звуки, свидетельствующие о том, что он внимательно слушает и разделяет чаяния собеседника.

– Вот поэтому, брат Антуан, я и решил обратиться к вам за помощью. Как видите, наша обитель только выигрывает, а расходов будет совсем немного.

Лекарь по обязанности, а по призванию души страстный садовод и травник, брат Жиль надеялся при содействии ризничего убедить аббата выделить деньги на закупку розовых кустов, а если повезёт, то и на жасминовые саженцы.

Несмотря на конец сентября, солнце было ещё по-летнему тёплым. Его лучи приятно грели между лопаток и брат Антуан боролся с желанием вздремнуть, часто моргая так и норотившими закрыться глазами. День у него не задался, это было так же очевидно, как и то, что он понапрасну теряет время – он был совершенно равнодушен и к розам и к жасмину.

А вот увиденный сон заронил в душу тревогу и, пытаясь истолковать его, ризничий едва не опоздал к Утрени. В довершение ко всему не удалось вовремя улизнуть и вот теперь он вынужден сносить разглагольствования брата Жилия вместо того, чтобы решать терзавшую его дилемму.

Брат Антуан покосился на лекаря. Тот вошел в раж, размахивая руками, следовательно, замолчит ещё не скоро. Ризничий обреченно вздохнул – в грехе суесловия брату Жилию не было равных во всей обители.

Избавление к нему пришло совершенно неожиданно: в огород, который граничил с садом, забрела коза и принялась ошипывать любовно выпестованные лекарем грядки. Потрясенный увиденным, брат Жиль застыл с открытым ртом, и ризничий, не долго думая, воспользовался наступившей паузой. Он торопливо пообещал замолвить слово перед аббатом и, сославшись на неотложное дело, двинулся прочь.

Освободившись от лекаря, он тут же погрузился в собственные тревожные мысли и едва не попал под колеса, ехавшей мимо телеги.

Во время сбора винограда с раннего утра и до того момента как солнце начинало клониться к западу, на внешнем дворе аббатства царил несусветный хаос. Поднимая клубы пыли, от даильни к воротам неслись пустые телеги, крестьяне громко спорили с прижимистым келарем⁴ за каждый причитавшийся им денье, ослы ревели под тяжестью корзин с виноградом, словом, благочиние напрочь покидало монастырские стены.

Но братия переносила временные неудобства воистину с христианским смирением, если не сказать с едва скрываемой радостью, как впрочем, и любые перемены в однообразии монастырской жизни. Даже самые ревностные исполнители устава, вроде ризничего, сдерживали неудовольствие, в конце концов вино – непереманный атрибут церковной службы, да и монашеская трапеза без вина не трапеза вовсе.

Брат Антуан – сторонник чистоты и порядка – тщательно отряхнул припорошенную пылью рясу, отпустил нелестное замечание вслед удалявшейся телеге и двинулся дальше.

---

³ Ризничий – монах заведующий ризницей, помещением при церкви для хранения риз и церковной утвари

⁴ Келарь – монах, заведующий продовольствием и мирскими делами аббатства

Он как раз поравнялся с монастырской гостиницей, когда со стороны амбара донесся шум и, о ужас, смех! И не какой-нибудь, подавляемый усилием воли смешок, а самый настоящий здоровый и раскатистый смех!

Он ускорил шаги, обогнул конюшню и направился к амбару, откуда послышался новый взрыв хохота. Ризничий зажал уши руками – нельзя же одобрять подобное бесчинство! Между тем пункт 55 устава, который обязан чтить всякий монах, запрещает часто и громко смеяться.

Немыслимо! Что подумает святой Аполлинарий?! Хорошо еще, что он, брат Антуан, стал свидетелем сего безобразия. Уж он-то побеспокоится о суровом наказании для святотатцев.

Ризничий осторожно выглянул из-за угла и оцепенел от неожиданно открывшейся картины. Перед распахнутым настежь амбаром на пожухлой траве развалились – он быстро подсчитал – семь монахов. И, конечно, среди них был пономарь – бездельник и пустобрех.

Брат Антуан схватился за сердце. Семеро трутней бьют баклуши и веселятся в часы работы! Куда смотрит приор? Только и умеет, что гнусавить по утрам устав, а кто будет следить за его соблюдением? Что если святой Аполлинарий разгневается и покарает обитель?

Он с опаской поднял глаза вверх. По синему небу мирно плыли молочной белизны облака. Брат Антуан прочитал краткую молитву и прислушался к разговору. В следующее же мгновение он лишился дара речи.

– А вот теперь, братья, я вам кое-что расскажу.

– Ну-ка, ну-ка, послушаем пономаря.

– Если снова о пирушке в деревенской харчевне...

– Что с того? Лучше послушать еще раз брата Жана, чем зануду приора. А уж если история будет касаться дамы, то...

Пономарь, круглолицый здоровяк, самодовольно ухмыльнулся и подтвердил:

– Да, речь пойдет о молодой даме. Прошу внимания, братья, а кто грамотен, пусть записывает. На сей раз я преподам вам несколько заповедей о том, как можно скоро соблазнить целомудренную девицу.

Слушатели одобрительно загудели – брат Жан имел славу непревзойденного рассказчика. В его устах даже самые тривиальные события превращались в захватывающие дух истории, скрашивая монотонную жизнь братии.

– Так вот. Много лет тому назад случилось мне давать уроки одному мальцу...

Внезапно рыжий монах вскочил на ноги.

– Постойте, брат Жан, не начинайте без меня. Я мигом, только амбар запру.

Остальные монахи недовольно зашумели.

– Вечно вы, брат Гийом, суетитесь не к месту.

– И то правда, после запрете.

Пономарь нетерпеливо поднял вверх руку с толстыми короткими пальцами, призывая к тишине. Брат Гийом вернулся на свое место, монахи расселись полукругом и превратились в слух.

– Итак, братья, как я уже сказал, случилось мне учить грамоте одного мальца, – брат Жан полуприкрыл глаза, погружаясь в воспоминания. – Отец его был известный в Туре купец. Не жаден, назначил мне хорошую плату за уроки, но часто дома не бывал. А вот жена его – скряга – так и норовила за малейшую оплошность из причитавшейся мне платы высчитать. То я на прошлой неделе, говорит, опоздал два дня кряду, то третьего дня раньше закончил урок, то еще чего-нибудь придумает. В общем, изводила меня старая курица, жизни не давала. Но я нашел способ поквитаться с ней. Дело в том, что кроме сына, была у них еще дочь, – брат Жан поморщился и покрутил в воздухе короткопалой пятерней. – Так себе девица, ничего особенного, знавал я и получше. Она как раз в возраст вошла, округлости, где надо, ну точно, как у нашей козы Бланш...

В этом месте пономарь вынужден был прервать изложение обещанных «заповедей»: ризничий покинул свое укрытие и медленно приближался к амбару. Выражение его изможденного частыми постами лица не оставляло сомнений – провинившихся монахов ожидали крупные неприятности.

– Вот значит как! Прекрасно, нечего сказать. Жаль, конечно, огорчать господина аббата, но другого выхода нет. Я лично потребую самого сурового наказания для вас, – брат Антуан обвел хмурым взглядом вытянувшихся в струнку монахов. – Что ж вы стоите, будто истуканы? Принимайтесь за работу!

Монахи поспешили ретироваться, вполголоса переговариваясь.

– У, наушник аббатов, теперь точно донесет, – прошептал брат Тома.

– Может, остынет? – не очень уверенно предположил рыжий Гийом.

– Как же, остынет он. Видали, как у него уши покраснели? Чуть не лопнул от злости ризничий. Эх, сидеть нам теперь неделю на воде и хлебе. И это еще в лучшем случае.

– А вы, брат Тома, и впрямь думаете, что ризничий доносит настоятелю?

Брат Тома остановился и боязливо огляделся по сторонам, сердце в его тощей груди учащенно забилося. Но никого поблизости не было, сновавшие по хозяйственному двору крестьяне, разумеется, не в счет. А ризничий – гроза рядовых монахов – чинно сворачивал в сторону храма.

Брат Тома проводил его прямую, словно доска, фигуру неприязненным взглядом. Стервятник, подлинный стервятник в монашеской рясе!

Ризничего он боялся до дрожи в коленях, до замирания сердца в тощей груди. Да и как не бояться, когда по его милости бедный брат Тома три раза попадал в карцер, не считая менее суровых наказаний. И хоть бы было за что, а то ведь – и это самое обидное – а мелкие оплошности, которых с кем не бывает! Но ризничий – подлинный стервятник – взъелся на брата Тома и не знал снисхождения.

– Он или кто другой, да только точно доносчик среди нас есть, – заявил брат Тома, выпучив круглые глаза.

– Узнать бы кто, да проучить, как следует! – воскликнул брат Гийом, ударяя кулаком о ладонь. Он хотел тут же предложить на выбор пару подходящих способов, но в этот момент мимо них прошел пономарь. Брат Гийом подскочил к нему, легонько толкнул в бок острым локтем и подмигнул.

– За вами, брат Жан, теперь должок.

– Какой-такой должок? – наигранно удивился пономарь.

Брат Гийом хихикнул.

– Да историю вашу, ризничий ведь на самом интересном месте прервал.

Пономарь прибавил шаг, бросив через плечо:

– А ничего интересного дальше и не было. Да и вообще, сочинил я все это, братья, забудьте.

– Чего это он? – спросил брат Тома, удивленно глядя в широкую спину брата Жана.

– Должно быть, испугался обещанного ризничим наказания, – осклабился брат Гийом, провожая пономаря хитрым взглядом.

– Фу, какая ерунда. Ну, посадят на хлеб с водой. Неприятно, конечно, да, в общем, невелика беда.

– Для вас может и невелика, брат Тома, а для пономаря нашего, видать, целое бедствие, – загадочно ответил брат Гийом и, склонившись к самому уху собеседника, зашептал. – Намедни проходил я мимо его кельи после Всенощной, слышу – шорох. Я, значит, на пол опустился, чтоб в щелку заглянуть, чем это наш брат Жан занимается в такое время, подозрительно все это мне показалось. Знаете ведь какие нынче времена!

Брат Тома затаил дыхание. В его круглых птичьих глазах читалось жадное любопытство.

– И что же вы увидели, брат Гийом?

– К сожалению, ничего, но зато мой нос, брат Тома, мой нос уловил некие аппетитные ароматы, которые просачивались из кельи нашего Златоуста. Знаете, что это было?

– Ну, не томите, брат Гийом, вечно вы туману напускаете.

– Мясо! Жареное мясо! – провозгласил рыжий Гийом. – Готов поклясться мощами святого Аполлинария, что это была сочная грудинка. И заметьте, в постный день. Каково?

– Не может быть!

Брат Тома был потрясен. Перед его мысленным взором проплыл, щекоча ноздри и наполняя рот слюной, аппетитный кусок жареного мяса. Он помотал головой, прогоняя бесовское видение.

– Не может быть! – повторил брат Тома, сглатывая слюну.

– Поверьте, все так и было, – заверил его брат Гийом. – А теперь представьте, после жареного мяса неделю на хлебе и воде, в посте и молитвах. Конечно, наш пономарь готов, ради улаживания своего необъятного чрева, лишить нас продолжения начатой истории, которая сулила, самые что ни на есть, пикантные подробности?

Брат Тома недовольно фыркнул. Далась же брату Гийому эта пикантная история! Куда важнее открыть источник ароматной грудинки, чем слушать о какой-то там соблазненной девице.

– Но откуда же он достает мясо? – спросил брат Тома. Новость целиком пленила его воображение, заставив позабыть даже о стервятнике ризничем.

– Это можно разузнать.

– И вы знаете способ, брат Гийом?

Рыжий Гийом бросил вороватый взгляд по сторонам:

– Он прост: нужно проследить за пономарем, поймать его за этим недостойным монаха занятием, и, угрожая разоблачением, заставить с нами поделиться.

– Хорошо придумано, – одобрил брат Тома, снова улавливая аппетитный дух жареного мяса среди множества разнообразных запахов, витавших по утрам на хозяйственном дворе. – Когда начнем?

– Да вот с сегодняшней ночи и начнем. Сегодня – я, а завтра – вы.

– Согласен.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ризничий, все еще пылая справедливым гневом, вошел в храм через открытый северный портал, и непроизвольно зажмурился. После яркого солнечного света старая романская базилика казалась погруженной в могильную тьму. Скудный свет проникал лишь через вытянутые вверх арочные окна, однако тут же упирался в монументальные колонны нефа. Не желая так просто сдаваться, солнечные лучи скользили по шершавому камню вниз, но, прежде чем успевали достичь пола, окончательно проигрывали схватку.

Устроенный за алтарем цветной витраж – единственное готическое преобразование – так же мало способствовал освещению, как и узкие оконные проемы. В храме было сумрачно и зябко даже в самый жаркий летний день.

По мнению ризничего аббату давно следовало подумать о перестройке храма, а не довольствоваться мелким ремонтом. Только настоятель не спешил, отговариваясь скудными доходами обители. Как бы не так! На пристройку нового крыла для покоев аббата деньги нашлись, и не малые, между прочим, деньги.

Увы! Падок оказался отец-настоятель на тленное богатство и суетную славу.

Святой Аполлинарий, когда в последний раз явился брату Антуану во сне, так и сказал: «Не хороший дух в моей обители, но посредством тебя я очищу ее от фарисейской закваски».

Ощущая себя едва ли не ветхозаветным пророком, ризничий с той ночи непрестанно размышлял, кого имел ввиду святой Аполлинарий, говоря о фарисейской закваске. Может, пономаря?

Вот уж сущее наказание для обители! А сцена, свидетелем которой ему только что довелось стать, лишнее тому доказательство.

Пономарь раздражал ризничего буквально всем: лоснящимся лицом, громким голосом, грубоватой веселостью, но главное – он никогда не трепетал перед братом Антуаном, даже в те времена, когда аббат еще не выделял его из среды прочих монахов. И вот ведь в чем несправедливость: ему все всегда сходило с рук!

Подойдя к ризнице, брат Антуан внимательно осмотрел замок, прежде чем отпереть дверь, – ничего подозрительного. И все же дверь – это единственная возможность проникнуть внутрь, ибо окна настолько узки, что даже ребенок не сможет в них пролезть.

Брат Антуан осторожно повернул ключ, толкнул, тихо скрипнувшую дверь, и обвел ризницу придирчивым взглядом. Сжимая в руке светильник, он медленно обошел свои владения, заглядывая во все углы. Ничего не изменилось с тех пор, как он накануне вечером заходил сюда в последний раз. Вот только запах...

Брат Антуан был абсолютно уверен – вчера этого запаха не было, вернее это был даже не запах, а самое настоящее зловоние. Он повертел головой во все стороны, при этом шумно втягивая воздух, дабы определить, откуда тянет смрадом.

«Ага, – подумал он. – Кажется из того угла. Удивительно, как эти твари сюда пробираются!»

Ризничий поставил светильник на пол рядом с похожим на гроб сундуком, откинул крышку и поморщился. Так и есть! Мерзкая тварь издохла среди старых, побитых молью стихарей, которые он из-за своей бережливости никак не решался выбросить – вдруг на что-нибудь пригодятся. Переворотив груды ветхого тряпья, он, наконец, извлек за хвост дохлую мышь и, брезгливо морщась, выбросил ее в узкий оконный проем.

Снова обойдя ризницу, брат Антуан похвалил себя за образцовый порядок. Праздничное облачение, ковчеги для святых мощей, богослужебная утварь для ежедневного пользования, сундуки с ценной посудой и светильниками – все было на своих местах. И тем не менее...

Он присел у ящика, в который складывали старые сосуды и все чем давно уже не пользовались. Аккуратно выложил его содержимое на каменный пол, пересчитал для верности и стиснул зубы.

Впервые в жизни брат Антуан пожалел о своей любви к чистоте и порядку. Если бы он, скажем, ленился вытирать пыль, то не терялся бы сейчас в догадках, а, вполне возможно, имел бы на руках изобличающие доказательства. Делать нечего, придется рассказать аббату, но сначала он все-таки посоветуется с камерарием⁵.

Брат Антуан отыскал камерария в сокровищнице – большой комнате с двумя забранными мелкой решеткой окнами. Здесь хранились самые ценные реликвии – берцовая кость, два зуба и полуистлевший пояс святого Аполлинария, – а также монастырская казна и несколько сундуков с архивом: реестрами приходов и расходов и прочими деловыми документами аббатства.

Камерарий копошился в одном из них, сосредоточенно перебирая свитки. Приход ризничего остался им незамеченным.

– Брат Жильбер, – позвал ризничий, – очень хорошо, что я застал вас одного, – он опустился на скамью, предварительно проведя по ней рукой, и остался доволен – ни одной пылинки!

Камерарий неловко повернулся, ударившись головой о крышку сундука.

Это был еще довольно молодой монах с приятным лицом и кротким взглядом. Изнученные импонирующие его сдержанные манеры и спокойная рассудительность. Два года назад он поддержал кандидатуру брата Жильбера на место камерария, хотя этой должности помогали многие, ибо она давала определенную власть, возможность состоять в монастырском совете, но главное – распоряжаться казной аббатства.

– Ах, это вы, брат Антуан, – отозвался камерарий. – Я не слышал, как вы вошли. Что-то случилось?

– Мне нужно с вами посоветоваться, брат Жильбер, – ризничий поскреб щетину на впалой щеке. – Видите ли, я в большом смятении. Кабы дело касалось меня лично, то я предпочел бы понести убыток, нежели посеять подозрения среди братии. Но речь идет о сокровищах, принадлежащих Святому Аполлинару.

Камерарий аккуратно положил в сундук пергаментный свиток, который держал до этого в руках, закрыл крышку и сел сверху.

– Я, так понимаю, из ризницы снова что-то пропало, – скорее констатировал, чем спросил камерарий.

Брат Антуан кивнул.

– Так, ничего значительного: старый бронзовый светильник и кадильница. Мы-то ими и не пользовались давно. Но это ведь не оправдание!

– Разумеется, – согласился камерарий. – А вы хорошо искали? Возможно, один из помощников переложил их без вашего ведома?

– Что вы, брат Жильбер! – ризничий в испуге отшатнулся и замахал руками. – Можно ли этим криворуким заботу о священных сосудах доверить! Сам, все сам, из года в год, посему-то знаю точно, что и где у меня лежит. Все согласно переписи, которую я собственноручно обновляю каждый год.

– Да, ваш порядок в делах мне хорошо известен. Значит, ошибки быть не может, следовательно...

– Следовательно, среди братии опять завелся вор, – голос ризничего задрожал.

– Может, кто-то из новичков⁶? – предположил брат Жильбер.

---

⁵ Камерарий – монах, ведающий финансами монастыря, отвечающий также за хранилище одежды, бритвенные и постельные принадлежности

⁶ Новичий – послушник

– Не думаю. Светильник и кадьница старые, кто о них знать мог, кроме своих. Да и замок мы сменили в прошлом году. Ну, после той истории с канделябрами, помните? – и, не дожидаясь ответа, ризничий перешел к главному. – Вот я и хотел с вами посоветоваться, брат Жильбер, говорить о пропаже отцу-настоятелю или повременить?

– Мне кажется, лучше повременить, – ответил после недолгого размышления камерарий, – а вы тем временем хорошенько еще раз все проверьте. Хватит с нас и прошлогоднего случая, не так ли?

– Вы правы, да и нехорошо сразу с двумя жалобами к господину аббату обращаться.

– А у вас есть и другие жалобы? – удивился камерарий.

– Как не быть! – ризничий поджал тонкие бескровные губы. – Порядка в обители мало, вот братия и распустилась, а никому, похоже, до этого и дела нет. Возьмем, к примеру, сегодняшний случай, – и брат Антуан передал разговор, только что подслушанный им на хозяйственном дворе, не преминув сгустить краски.

Камерарий слушал и его приятное лицо все более мрачнело.

– Стало быть, пономарь хотел рассказать о том, что произошло с ним когда-то в Туре? – уточнил брат Жильбер. – Вы не ошибаетесь?

– Так он сам сказал, – подтвердил ризничий.

– Чепуха! Разве пономарь из Тура? Я никогда его там не встречал. Это одна из его «историек», которые он рассказывает ради дешевой славы, м неожиданно вспылил камерарий, но, взяв себя в руки, спокойно добавил. – Однако вы правы, подобные упражнения в красноречии разлагают братию. Безусловно, и рассказчик и слушатели достойны наказания.

Тонкие губы ризничего дрогнули – брат Антуан, как и подобает благочестивому монаху, позволял себе улыбаться скупой и редко.

– Я рад, что вы тоже так думаете, брат Жильбер, – он поднялся и направился к выходу, но у самых дверей остановился. – Кстати, вы знаете, что господин аббат к вечеру должен вернуться?

– О, да. Приор уже успел поделиться со мной дурными предчувствиями, – камерарий подавил улыбку. м Впрочем, его беспокойство, скорее всего, оправданно, поскольку отец-настоятель возвращается раньше времени.

Ризничий покинул архив удовлетворенным. Правильно он поступил, обратившись за советом к камерарию. Воистину добрый советчик брат Жильбер – умен, сдержан и благоразумен. Такому бы обитель возглавить, хороший бы получился из него аббат.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Отец-настоятель, сославшись на дорожную усталость, велел накрыть ужин в своих покоях. Как правило, это означало, что трапезу с ним разделит брат Арман – незаменимый помощник и правая рука.

Покои аббата Симона располагались отдельно от монашеских келий и состояли из трех, соединенных между собой комнат. Первая, самая большая, лужила гостиной, а зачастую и столовой, вторая – спальней, в третьей же был устроен кабинет, которым аббат пользовался крайне редко, но обязательно показывал важным гостям.

Когда он был избран настоятелем аббатства святого Аполлинария, то первым делом занялся обустройством своих апартаментов. Его предшественник мало заботился о комфорте и величии пастыря, считая простоту и доступность главными добродетелями. Аббат Симон имел иной взгляд и на добродетели и на величие, посему велел надстроить второй этаж над западной галереей с отдельным входом и цветными витражами в окнах.

Первоначальные расчеты оказались неверными – расходы на строительство личных покоев настоятеля превзошли все ожидания. В результате внутреннее убранство обновить почти не удалось и аббату Симону пришлось довольствоваться мебелью, которая досталась ему в наследство от добродетельного предшественника. Вначале он утешал себя тем, что эти неудобства временны, а после того, как приблизил к себе брата Армана, и вовсе забыл о прежних планах, отдавшись во власть новых замыслов.

Новоявленный любимец обладал неоспоримыми достоинствами: у него была светлая голова, трезвый ум и непревзойденное чутье, если дело касалось материальной выгоды. Брат Арман же в покоях отца-настоятеля чувствовал себя вольготно с тех самых пор, как понял: аббат подвержен приступам смятения и в критическую минуту склонен переложить бремя принятия решений именно на него. Такое положение вещей Армана вполне устраивало – он знал, как обернуть его к своей пользе.

Сын обедневшего шевалье, он рано осознал: его единственный путь в жизни – духовная карьера. Не имея влиятельных покровителей, ему приходилось рассчитывать исключительно на себя. К счастью, он не был щепетилен, зато дерзок и целеустремлен. Мягкотелость и нерешительность он презирал, однако, как в случае с аббатом, готов был их терпеть, ради намеченной цели.

За окнами вечерело, в углах гостиной стужались черные тени. Дневной свет угасал, уступая место ранним осенним сумеркам. Чернильные тени выползали из углов, растекались в стороны, сливались в одно кольцо и медленно подбирались к центру комнаты, где стоял, покрытый белой скатертью стол с канделябром на три свечи.

Вокруг него бесшумно сновал похожий на призрак монах-прислужник. Блюда, подаваемые им, источали аппетитные ароматы и радовали глаз своим обилием – аббат Симон имел собственное представление о монашеском самоотречении.

Слух о его возвращении застиг повара врасплох. Он сорвал голос, подгоняя нерасторопных помощников, но успел-таки вовремя приготовить любимые блюда его высокопреподобия: суп с клецками, сваренными в молоке, жареных рябчиков, а к ним пикантный соус и миндальные трубочки с кремом.

Отец-настоятель ел много и рассеянно слушал рассказ брата Армана о том, что произошло в обители за время его отсутствия. На его крупном носу с фиолетовыми прожилками блестели мелкие капельки пота – сладкое итальянское вино лучше всего разогревало кровь. Во всяком случае, так утверждал один медицинский трактат, прочитанный аббатом Симоном пару лет назад.

– Похоже, ваше высокопреподобие, поездка в Орлеан не слишком удалась? Вы как будто расстроены? – спросил брат Арман, когда монах-прислужник, подав на десерт миндальные кремовые трубочки, наконец, удалился.

Аббат с наслаждением попробовал пирожное – ничто, даже скверное расположение духа, не могло повлиять на его аппетит, и только после этого, утирая рот льняной салфеткой, ответил:

– Через три дня в нашу обитель приедет визитатор.

– Пф! И это вас так разволновало? – брат Арман не мог скрыть удивления. – Организуем прием Его Преосвященству по всем правилам и...

Настоятель не дал ему закончить:

– Видите ли, на этот раз приедет не монсеньор епископ, а его викарий⁷.

Фаворит, потянувшись было за кувшином вина, замер и выпрямился:

– Вот как? И кто же это?

– Матье де Нель, племянник Его Преосвященства.

– Ну, значит, организуем прием ему, – брат Арман расслабился, налил себе вина и поудобней устроился в кресле. – Думаю, вкусы племянника и дяди не слишком отличаются. Не понимаю, почему вы так растревожились. В прошлую визитацию, если не ошибаюсь, мы...

– Что вы помните о процессе герцога Алансонского? – внезапно перебил аббат. – Он состоялся восемь лет назад.

Брат Арман растерянно моргнул.

Отец-настоятель, удовлетворенный его смущением, запил пирожное вином. Вот так-то лучше! Не следует позволять монаху говорить со своим аббатом снисходительно, даже если этот монах пользуется особым расположением.

– Если не ошибаюсь, речь шла о планах герцога бежать в Бретань, – ответил наконец фаворит, – но, помилуйте, какое это имеет отношение...

– Вы нетерпеливы, – укорил его настоятель. – Дело в том, что Матье де Нель вместе с герцогом Алансонским был обвинен в предательстве, а вам известно, что это означает.

– Угу, – кивнул фаворит, – плаху.

– Да, плаху и конфискацию всего, – подтвердил настоятель, беря из вазы очередную миндальную трубочку. – Покойный король Людовик⁸ жестоко карал всех, кто был уличен в сношениях с его врагами, а особенно тех, кому он прежде доверял, и аббат вытер салфеткой крем с губ, налил в кубок вина и не спеша продолжил. – К де Нелю король питал особое расположение: говорят, тот был остер на язык, умен и смел. Однако королевская благосклонность не уберегла сего остряка от смертного приговора. Впрочем, ему удалось каким-то образом выкрутиться. Ходят слухи, и я им верю, будто наш епископ основательно облегчил свою казну ради спасения племянника.

– Стало быть, Его Преосвященству не чуждо христианское сострадание, – брат Арман криво усмехнулся. – А может этот де Нель действительно был невиновен?

– Это не имеет значения, – аббат вытер пальцы, бросил измятую салфетку на стол и откинул голову на спинку кресла. – В любом случае король его не простил, он лишь заменил казнь насильственным пострижением.

– Представляю, каково ему пришлось, – вздохнул брат Арман.

– Не слишком предавайтесь жалости, – недовольно засопел отец-настоятель. – Наш епископ не оставил племянника без покровительства: определил его в одно из Орлеанских аббатств, а после смерти короля устроил при своем дворе, разрешив пользоваться своим мир-

---

⁷ Викарий (зд.) – помощник епископа, замещающий его во время визитации

⁸ Король Людовик – имеется ввиду Людовик XI Валуа (1423—1483 гг.)

ским именем. И вот теперь этот бывший придворный щеголь и умник стал викарием Его Преосвященства!

– Да-а, мечтательно протянул брат Арман, – вот, что значит быть племянником монсеньора епископа.

Аббат Симон нахмурился – беспечность фаворита вызывала досаду, и все же он, обуздав раздражение, продолжил.

– Так вот, сей племянник к концу нынешней недели будет здесь, поэтому нам необходимо предпринять некоторые шаги, – настоятель хрустнул суставами пальцев. – Впрочем, вы и сами понимаете, что я имею ввиду.

Наступило недолгое молчание.

– Все-таки, мне кажется, что тревоги ваши напрасны, – фаворит поднялся и прошелся по комнате, энергично растирая кисти рук – вечера уже были довольно прохладными. – Если то, что вы рассказали о де Неле, правда, то беспокоиться не о чем. Разве бывший придворный щеголь может быть опасен?

– Хорошо бы так, и, тем не менее, я прошу вас объяснить пономарю ситуацию, брат Жан бывает слишком самонадеян.

– Кстати! – Арман прекратил расхаживать и снова опустился в кресло напротив отца-настоятеля. В мерцающем свете канделябра лицо его было красиво той поразительной, почти совершенной красотой, которой талантливые скульпторы наделяют лица ангелов.

Аббат насупись. Хорош собой Арман, ничего не скажешь, и не просто хорош, а вызывающе красив, будто... падший ангел. По спине настоятеля пробежал холодок, он взял со стола кубок с вином и сделал несколько глотков: вино, как обычно, действовало быстро, согревая и успокаивая.

– Я давно хотел вам заметить, – говорил между тем фаворит, перегнувшись к аббату через стол и уперев ладони о столешницу, – что пономарь стал непозволительно заносчив. Представьте, он смеет лично принимать решения! Вы слишком ему потакаете, а теперь, когда дело наше хорошо отлажено, его помощь становится обузой.

– Да-да, вы мне говорили, – нетерпеливо отмахнулся отец-настоятель, м бещаю, что мы все это обсудим, но после визитации. До визитации нельзя портить отношения с братом Жаном, поэтому, прошу вас, говорите с ним как можно деликатней, – попросил аббат, делая ударение на последнем слове.

Арман открыл рот, чтобы возразить, но передумал, соорудил кислую мину и поднял вверх ладони в знак подчинения воле настоятеля.

К концу следующего дня слух о приезде визитатора распространился по аббатству Святого Аполлинария, породив двоякие толки. С одной стороны, родство визитатора с епископом настораживало и популярности ему не добавляло, а с другой, история с насильственным пострижением вызвала живой интерес и обросла целым роем домыслов.

***

Солнце стояло высоко – самое время приступить к трапезе. Жакوب выложил на чистое полотенце белый хлеб, жареного каплуна, сыр и деревянную флягу, обтянутую дорогой красной кожей. На его аккуратно выстриженной тонзуре плясал солнечный зайчик, пробивавшийся через пожелтевшую, но все еще густую листву раскидистого дуба.

Поблескивая в косых солнечных лучах, в воздухе летала паутина, где-то совсем рядом трещала сорока, пахло увядающей листвой и созревшим терном.

– Вот, святой отец, все готово, – Жакоб довольно оглядел импровизированный стол.

Матье де Нель, викарий епископа Орлеанского, возблагодарил Господа в краткой молитве, и они принялись за еду.

– Эй, Буцефал! – позвал Жакоб осла, роясь в дорожном мешке. – Иди-ка, друг, я дам тебе твою любимую ржаную корочку.

Осел, щипавший травку на лесной опушке, не заставил просить себя дважды. Он подошел, вытянул влажные губы и взял с ладони хозяина протянутый кусочек хлеба. Матье де Нель едва заметно улыбнулся.

– Я давно хотел тебя спросить, Жакоб, почему ты дал своему ослу столь необычное имя?

– Ну как же, святой отец! Вы мне сами подали мысль, – последовал простодушный ответ.

– Неужели? – поперхнулся Матье де Нель и закашлялся.

Жакоб постучал его по спине, заодно сунул ослу вторую корочку и совершенно серьезно стал объяснять.

– Конечно, вы мне не прямо так подсказали, но все же ваши рассказы об Александре Великом и его верном Буцефале, накрепко засели в моей памяти. К тому же, мой осел так же, как и Буцефал древнего грека, поначалу боялся своей собственной тени.

– Да, но у Александра был конь, – заметил пораженный викарий, – поэтому, не кажется ли тебе, дорогой Жакоб, что дать это имя ослу, с твоей стороны было несколько претенциозно?

На лице Жакоба появилось плутовское выражение.

– Так и я ведь не царь эллинов.

Матье де Нель хмыкнул и отпил из фляги.

– Кстати, почему ты отказался от щедрого предложения Его Преосвященства и не выбрал себе мула из его конюшни?

– Ну, нет уж, я своего Буцефала не променяю даже на арабского скакуна, – Жакоб любовно почесал осла за ухом. Буцефал перестал жевать и с благодарностью посмотрел на хозяина карими влажными глазами.

– Отчего же?

– У нас с ним одна душа на двоих и мы понимаем друг друга с полувзгляда, – ответил Жакоб, скаля зубы. – А помните, святой отец, как он однажды хотел меня сбросить в реку?

– Отлично помню, и жаль, что это ему не удалось, – засмеялся викарий, допивая вино. – Ты прав, Жакоб, у вас с ослом и впрямь есть нечто общее. Должен признать, ты остался таким же прохвостом, каким был в то время, когда я подобрал тебя на парижской улице. Монашеский устав и тот не смог изменить тебя за эти годы.

– Не понимаю, святой отец, к чему это вы, – обиделся Жакоб. Он не любил – и викарию это было прекрасно известно – даже самых невинных упоминаний о Париже. Никакие сокровища на свете не смогут соблазнить его снова оказаться внутри городских стен, да что там стен, он не согласится приблизиться к Парижу даже на три лье.

– Ну, ладно-ладно, давай собираться в путь. До аббатства Святого Аполлинария осталось несколько часов неторопливой езды, – викарий поднялся. – Мы должны приехать туда засветло, в противном случае нам придется заночевать в лесу, а в этих краях полно волков.

– Не нравятся мне эти визитации, – проворчал Жакоб, укладывая остатки провизии в мешок.

– Вот как? Позволь узнать, почему?

– А то вы не знаете, святой отец, как монахи этого не любят. Живут себе тихо-мирно. Вдруг, нате вам, приезжаем мы – и конец спокойной жизни.

Матье де Нель, скрестив руки на груди, рислонился спиной к дереву, наблюдая за суетливыми сборами Жакоба.

– То есть, тебя беспокоит нелюбовь монахов к визитатору?

– А то! В Шампани, как я слышал, одного епископа забросали камнями монахи его же диоцеза⁹. Едва ноги унес бедняга.

---

⁹ Диоцез – католическая епархия

– Паршивые овцы есть в любом стаде. Но, Жакоб, согласись, все-таки визитации служат благим целям.

– Благим целям? Ха! Это, каким же? – удивился Жакоб, отвязывая лошадь викария.

– Они помогают вовремя исправлять нарушения и очищать Церковь от скверны, м назидательно ответил Матье де Нель, прилагая немалые усилия, чтобы в голосе не было и тени иронии. Во-первых, викарий епископа не может себе позволить отзываться о Церкви в таком духе, тем более в разговоре с простым монахом; а во-вторых, природная язвительность однажды чуть не стоила ему головы – об этом он помнил очень хорошо.

– Всей жизни не хватит, чтоб ее очистить, – пробурчал себе под нос Жакоб, но так чтобы викарий слышал.

– Упомянутый же тобой случай, действительно имел место, однако он скорее прискорбное исключение, чем правило, м не удержавшись, весело закончил Матье де Нель, пропуская мимо ушей последнюю реплику Жакоба.

– Но Его Преосвященство вот уж третью визитацию поручает вам, – не унимался тот. – С чего бы это? Пусть сам бы и ездил.

Матье де Нель легко вскочил на коня.

– Мой дядя, как тебе известно, уже немолод и я готов оказать ему столь пустячную услугу. Но главное, каждое аббатство располагает немалой библиотекой, а книги – единственное утешение, оставшееся мне в жизни. Так что давай лучше поскорее тронемся в путь.

– Ха! – подпрыгнул Жакоб, ударяя себя по бокам. – Вот так бы сразу и сказали, мол, охота мне покопаться в пыльных манускриптах, оттого и ездим, а то придумали тоже: «очищать Церковь от скверны».

– Довольно, Жакоб, – строго прервал его викарий. – Тебе не мешало бы поразмышлять над такой христианской добродетелью как смирение.

– Как вам будет угодно, святой отец, – проворчал Жакоб, влезая на осла.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Слабый свет, от горевшего в изголовье светильника, просачивался сквозь опущенный шёлковый полог кровати.

Привилегия аббата ложиться спать при свете распространилась и на визитатора, а вот в братских кельях ночное освещение было строжайше запрещено. Но, как известно, всякий запрет лишь усиливает желание его нарушить, поэтому огрызки сальных свечей или плошки с плавающим в масле фитилем можно было обнаружить в любой келье.

Накануне Матье де Нель с Жакобом подъехали к аббатству Святого Аполлинария, когда солнце уже клонилось к западу. Опираясь на потемневшие от времени и грязи палки, с которыми на тощем плече и флягой, в которой булькала вода, набранная этим утром в ближайшей реке, к монастырю стекались нищие. Они занимали места согласно только им известной иерархии, обустривались на ночлег, чтобы завтра утром не пропустить час раздачи милостыни.

Час, когда сладостно скрипнут ржавые петли монастырских ворот и покажется суровый брат-елемозинарий, заправляющий раздачей подаяния. Его молчаливые помощники выставят за ворота корзины серых лепешек и чан с луковицами, и нищие с воплем «милости, святые отцы!» бросятся, отталкивая друг друга, к воротам аббатства.

Покрикивая, а в иных случаях, и раздавая затрешины, брат-елемозинарий принудит убогую братию выстроиться в некое подобие очереди и только после этого позволит приступить к раздаче милостыни.

– Иди с Богом! – равнодушно обронит заученную фразу монах, всучив в дрожащие от нетерпения руки скудное подаяние.

Время от времени монахи пытались соблазнить нищих более сытным прокормом в обмен хоть на какую-нибудь работу, но все их усилия оказывались тщетными. Те, потрясая гноящимися язвами, а для пущей наглядности, демонстрируя реальные и мнимые уродства, отказывались работать, напоминали святым отцам о христианском милосердии, и продолжали довольствоваться объедками монашеской трапезы, нещадно вырывая друг у друга куски посытнее.

В воротах аббатства Святого Аполлинария, осел Жакоба, вдруг заупрямился, отказываясь войти. Как пошутил потом викарий, Буцефал, очевидно, забыл о своем благородном имени, роднившем его с лошадью великого грека. Конь же визитатора, гнедой красавец из конюшни Его Преосвященства, презрительно фыркнул, и гордо прошествовал мимо продолжавшего упираться осла.

Глупая сцена затягивалась. Жакоб израсходовал весь запас приличествующих месту увещаний, на которые Буцефал не обратил абсолютно никакого внимания.

Нищие бросили ловить блох в своих заскорузлых от грязи и пота отрепьях. Оскалив гнилые зубы, они с интересом следили за безуспешными попытками Жакоба заставить осла войти в монастырские ворота. Он, то грозился задать Буцефалу трепку, то ласково ему обещал целый мешок ржаных корочек – все впустую. Ситуацию спас привратник аббатства, предложив заняться упрямцем.

В этот самый момент на дороге, ведущей от церкви к воротам, показался отец-настоятель в сопровождении нескольких монахов.

Аббат Симон был само внимание и предупредительность. После легкого ужина и вечерней службы он лично провел визитатора по обители. И, конечно, не упустил возможности сразу же дать понять – своим нынешним процветанием аббатство обязано исключительно ему.

Матье де Нель безучастно выслушал отца-настоятеля, что несколько охладило воодушевление последнего. Тем не менее аббат не пал духом, приписав сдержанность викария утомительному путешествию.

Первое впечатление, а отец-настоятель, как и все не очень умные люди, всецело доверял первому впечатлению, было обнадеживающим. Высокий, с длинным носом и насмешливым ртом, викарий был немногословен и казался погруженным в свои мысли. Аббат уловил едва заметный запах фиалки, исходящий от поклажи визитатора, оценил богатую сбрую его коня и прочие мелкие, но говорящие сами за себя детали. Вывод напрашивался один – привычки щеголя Матье де Нель сохранил, а это очень хорошо! Словом, предположение Армана оказалось верным – такой не может быть опасным.

Комнаты для важных гостей располагались в том же крыле, что и апартаменты отца-настоятеля.

Жакоб наскоро устроился в передней – она предназначалась для лиц, сопровождавших знатную персону, – и отправился бродить по аббатству. Он называл это «окинуть глазом».

Матье де Нель остался один. Последние лучи заходящего солнца преломлялись в цветных оконных стеклах, оставляя на плиточном полу желто-синие размытые пятна.

Викарий не спеша обошел две комнаты, в которых ему предстояло провести несколько ближайших дней. Вернее, комната была одна, очень большая, с высоким потолком, расписанным, как и стены, цветочными мотивами. Ее разделял фламандский гобелен отнюдь не с благочестивым мотивом: из замка на прогулку выезжала веселая кавалькада дам и кавалеров.

По губам викария скользнула ироничная улыбка. Обстановка комнаты рассказала ему об отце-настоятеле больше, чем личная беседа. Все здесь призвано было произвести впечатление: и толстый ковер на полу, и кресла с высокими резными спинками, и большие сундуки, и даже шахматный столик!

Он отогнул край гобелена. На возвышении стояла широкая кровать, закрытая синим шелковым пологом, рядом с ней скамья, на которой для удобства были разложены мягкие подушечки, у окна два ларя для одежды с начищенными до блеска медными замками и налой¹⁰ с книгой.

Викарий полюбопытствовал – оказалось «Утешение философией» Боэция – вот даже как! Он перелистал страницы, переписчик без сомнения был мастером и превосходно справился с делом. Дорогой пергамент исписан ровными острыми буквами, ни одного исправления или подтирки, заглавные выведены красными чернилами, без лишних завитушек и украшательств, которые Матье де Нель не любил, – они отвлекали от чтения и ничего не добавляли к сути текста.

Он подавил в себе желание хоть немного почитать, с сожалением захлопнул манускрипт, еще раз огляделся по сторонам и усмехнулся: «Прав был дядя, расписывая комфорт, который меня здесь ожидает. И аббата он описал верно, а вот его высокопреподобие, кажется, принял меня за простака. Впрочем, все это ерунда, главное – библиотека. Надеюсь, она меня не разочарует».

Капитул следующего дня мог служить образцом для подражания, особенно его дисциплинарная часть, очевидно, продуманная заранее вплоть до мельчайших подробностей.

Первым в небрежении своими обязанностями был обвинен привратник аббатства, оставивший ворота в среду на некоторое время приоткрытыми, из-за чего двое кур смогли без труда выйти за монастырские стены. Беглянки были водворены на место с большим трудом усилиями пятерых монахов, вынужденных бросить на время свою обычную работу.

Привратник, явившись на капитул смиренно без сандалий, признал за собой случившийся недосмотр и облегченно вздохнул, выслушав наложенное на него наказание: все ближайшее воскресенье провести в посте и молитве.

¹⁰ Налой – столик на ножке с наклонной столешницей

Следующим покаялся брат Тьерри. Он непристойными словами обругал келаря, за что неделю должен был питаться водой и хлебом, вкушая скудную пищу отдельно от остальной братии.

После капитула, и последовавшей за ним утренней мессы, викарий в сопровождении монастырского совета приступил к исполнению своих обязанностей.

Аббатство без винного погреба все равно, что дом без крыши, поэтому первым делом он, как визитатор, должен был осмотреть винный погреб: достаточно ли в нем запасов до следующего урожая. Но Матье де Нель изменил этому правилу, пожелав сразу заглянуть в армариум¹¹.

– Он ведь совсем рядом, – объяснил он, заметив изумление на лицах, сопровождавших его монахов. – Так почему бы не начать осмотр прямо с него, а в винный погреб мы обязательно спустимся, но позже.

Библиотекарь – тощий монах, с хмурым выражением на желтоватом морщинистом лице, – если и удивился внезапному приходу визитатора, то виду не подал. За все время, что Матье де Нель провел в библиотеке, он не проронил ни слова.

В помещении было светло, пахло кожей и немного пылью. Самые ценные книги сберегались под замком в огромных сундуках – их можно было читать только здесь во время послеобеденного отдыха. Остальные стояли в каменных стенных нишах и при необходимости библиотекарь выдавал их монахам, если на то имелось разрешение аббата.

– Наша библиотека, – сказал настоятель Матье де Нелю, – хоть и не самая богатая, всего-то двести томов, зато наши переписчики, лучшие во Франции. Главное, что отличает наши манускрипты – это легкость чтения. Да вот убедитесь сами, – он сделал знак и библиотекарь поднес раскрытую на середине книгу.

Викарий скосил глаза в манускрипт, пробежал первые строчки, и согласно кивнул.

– Видите, какой ясный, я бы даже сказал, воздушный почерк, – продолжал расхваливать аббат работу переписчика, листая страницы. – Никаких ломаных букв! Читать такую книгу одно удовольствие. Я убежден, что рукописные манускрипты останутся в цене, как и прежде, а все эти новоявленные печатные книги – чепуха!

– А пергамент! Вы обратили внимание на его качество? – не унимался отец-настоятель, снова суя под нос викарию манускрипт. – Для скриптория¹² – все самое лучшее, таково мое правило. Правда, по нынешним временам пергамент – непозволительная роскошь, но и бумагу мы покупаем только самого высокого качества. Стоит ли удивляться, что герцогини Бурбонская заказала целых пять книг, а одну мы подарили Его Преосвященству, когда он в последний раз приезжал в нашу обитель.

– Да, я видел этот манускрипт в его библиотеке, – рассеянно подтвердил викарий.

Назойливость аббата тяготила. Матье де Нель предпочел бы сейчас остаться один, чтобы в тишине поискать книги, которые могут ему пригодиться для «Истории Французского королевства».

Несколько лет назад в библиотеке епископа Орлеанского он нашел «Хроники Англии, Франции, Испании и соседних стран» Фруассара и с тех пор мысль написать нечто подобное овладела его умом. Он сразу же принялся за дело, написал даже первую главу, но скоро понял – ему не хватает знаний. Теперь он, где только можно было, собирал материал, кое-что отбрасывал сразу, а что-то откладывал для последующей работы.

Викарий взял с полки толстый манускрипт в переплете из телячьей кожи, раскрыл и стал аккуратно перелистывать страницы.

---

¹¹ Армариум – хранилище книг, монастырская библиотека

¹² Скрипторий – помещение для переписки рукописей

– Знаете, святые отцы, книги – моя слабость, – неожиданно для самого себя признался он. – Стоит мне переступить порог какого-нибудь аббатства, я сразу же спешу в библиотеку – вот, где я поистине отдыхаю душой.

Приор тут же достал из ниши несколько манускриптов и разложил их на столе.

– Не угодно ли выбрать одну из книг, – предложил он. – Почтем за особую честь, сделать сей подарок вашей светлости.

Матье де Нель повернул голову и уставился на приора немигающим взглядом. В библиотеке воцарилась тишина. Слышно только было, как где-то лениво жужжит осенняя муха.

– Наша светлость подумает, – чеканя каждое слово, ответил викарий.

Приор сконфузился и нервно принялся собирать, разложенные на столе книги.

Матье де Нель обернулся к притихшим монахам.

– Да, и оставим церемонии, святые отцы, обращайтесь ко мне просто «господин викарий» или «господин визитатор».

– Как вам будет угодно, господин викарий, – вмешался аббат Симон и бросил недобрый взгляд на не в меру усердного приора. – Желаете продолжить осмотр обители?

В полном молчании все спустились и вышли в клуатр— внутренний закрытый для мирян двор аббатства.

Только личное распоряжение отца-настоятеля давало право мирянину ступить в святое святых обители. Подобной чести удостаивались немногие, главным образом члены королевской семьи, высокопоставленные придворные и родовитые сеньоры. Впрочем, лица менее благородного происхождения также имели возможность попасть в клуатр, при условии щедрого подношения монастырю.

Викарий повернулся к настоятелю:

– Сколько в вашем аббатстве монахов?

– Пятьдесят четыре, господин викарий, и пять новичиев.

– Но мне показалось, что на сегодняшнем капитуле было меньше.

– Это так, – неохотно подтвердил отец-настоятель. – Дело в том, что двое больны и санитарный брат до завтра оставил их в лазарете. Один брат заперт на неделю для поста и молитвы. А еще двое отправились собирать милостыню до того, как мы узнали о вашем приезде.

– То есть на капитуле присутствовало сорок девять монахов, – быстро подсчитал Матье де Нель. – Ну что ж, отправимся теперь в кухню. Я обязан удостовериться, что она содержится в должной чистоте.

В течение следующего получаса викарий проверял чистоту котелков и блюд, на которых готовая пища относилась в рефектарий¹³, придирчиво осматривал полки с кухонной утварью, затем перешел к ларям, где хранились скатерти и посуда для праздничных обедов.

Камерарий искоса наблюдал за недовольно сопевшим аббатом. Когда Матье де Нель заглянул в очередной горшок, брат Жильбер не удержался и прошептал, стоявшему рядом с ним келарю:

– Еще немного и господину аббату придется пускать кровь, не то вьедливость визитатора его убьет. И это, заметьте, только первый день.

– Вы правы. Этот викарий дотошен сверх всякой меры, – келарь бросил неприязненный взгляд в сторону Матье де Неля.

– Если не ошибаюсь, на обед сегодня будут бобы? – спросил викарий, заглядывая в котел. – Господин аббат очень хвалил мне ваше поварское искусство.

Настоятель, сделав над собой видимое усилие, приторно улыбнулся.

– Совершенно верно, – ответил польщенный повар. – Но это, ваша светлость, не просто вареные бобы – это особое блюдо. Такого вам не удастся отведать нигде, даже в Риме.

---

¹³ Рефектарий – трапезная в католическом монастыре

– Вот как? Впрочем, вы правы – бобы вряд ли появляются на столе Его Святейшества папы.

Последнее замечание вызвало замешательство. Неужто визитатор насмехается над понтификом? И только повар был спокоен, похоже, он расценил слова викария, как комплимент. С блаженной улыбкой он осторожно снял крышку. Из котла вместе с паром вырвался запах вареных бобов.

– Хм. Действительно, пахнет недурно, – признал викарий.

Аббат Симон сделал шаг вперед и вмешался.

– Брат Бернар с большим удовольствием поделится с вами своим рецептом.

Келарь фыркнул и повернулся к брату Жильберу.

– Посмотрите на нашего повара. Он вот-вот лопнет от самодовольства.

– Может оно и к лучшему – нас перестанет пучить от бобов, – ответил камерарий.

– Прежде всего, приступая к готовке, монах обязан вымыть руки и прочитать три молитвы, – пустился в пространное объяснение рецепта повар. – Затем промыть бобы и варить их пока не начнут раскрываться оболочки. Пену, всплывшие и пригоревшие бобы отделяем, остальные остужаем, снова прополаскиваем и снова варим. А теперь самое главное, – повар остановился и, приподняв крышку, повел носом. – Кажется пора, добавляйте.

Его помощники всыпали в котел мелко нарезанные овощи. Повар водрузил крышку на место и продолжил менторским тоном.

– Так вот, в самом конце, не ранее, бобы солим, добавляем отваренные и мелко нарезанные морковь и пастернак и только после этого, подчеркиваю, только после этого заправляем кусочками сочного слегка поджаренного сала с луком. И – долой с огня. Секрет, как видите, прост: сало добавляется в самом конце и оно ни в коем случае не должно быть пережаренным, иначе блюдо потеряет свой утонченный вкус.

– Очень интересно. Вы так подробно объяснили, брат Бернар, что мне не терпится попробовать, – усмехнулся викарий, еще раз обвел взглядом кухню и подвел итог. – Ну что ж, я удовлетворен. Кухня содержится в чистоте.

– Истинно так, святой отец, – подтвердил повар. – Иначе и быть не может, ибо каждую субботу мы вчетвером да еще дежурный брат скоблим и начищаем все до блеска. За то время, что я тут хозяйствую, жалоб не было.

– А кладовые?

– О, там тоже все в порядке. Вся провизия у меня на счету. Да вот, убедитесь сами.

Повар взял один из висевших у него на поясе ключей и отпер дверь кладовой. Матье де Нель стал перебирать аккуратно выложенные припасы, не ленись заглядывать внутрь полок.

Камерарий внимательно следил за его действиями. Да, посланник епископа оказался непрост. Хорошо это или плохо? Над этим стоит подумать. Брат Жильбер перевел взгляд на аббата. Отец-настоятель выглядел уставшим – немудрено: викарий ничего не пропускает, везде сует свой длинный острый нос. Брат Жильбер не согласился бы сейчас оказаться на месте аббата. Возможно потом, но не сейчас.

Повар запер дверь кладовой и, посмеиваясь, сказал:

– Я, ваша светлость, ключ всегда ношу при себе, дабы лишний раз не вводить их греховную плоть в искушение, – и брат Бернар, совершенно не стесняясь, кивнул в сторону помощников, которых «деликатное» замечание наставника никак не смутило – видимо привыкли.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дождь шел всю ночь, утихнув только перед самым рассветом.

Время неумолимо близилось к Утрени, а брат Жан никак не мог заставить себя подняться с постели. В другой раз он охотно подремал бы еще на радость братии, аббат все равно сделал бы вид, что ничего не произошло, но присутствие в обители визитатора делало подобную вольность невозможной. Поэтому брат Жан с трудом разлепил глаза, не спеша сел, покряхтел, почесал давно небритую тонзуру и, обув сандалии, вышел из кельи.

В монастырских переходах было темно и тихо. Сделав несколько шагов, пономарь хлопнул себя по лбу и вернулся. Он долго и безрезультатно шарил под кроватью в поисках масляного фонаря.

– Разрази меня гром, если я знаю, куда он подевался. Ладно, и так обойдусь.

Брат Жан, действительно, не нуждался в фонаре. Он знал дорогу, как свои пять пальцев, и даже мог бы пройти по ней с закрытыми глазами, ни разу не заплутав.

Четыре года назад он убедил аббата отдать ему монастырскую колокольню в полное распоряжение. Уж очень ему хотелось стать пономарем. Почему? Он и сам не мог бы толком объяснить. Но брат Жан, и в миру и после пострига, привык получать желаемое.

Братский корпус располагался над галереей клуатра, что примыкала к старой романской базилике. Специальная лестница соединяла церковные хоры с кельями – удобство, которым монахи очень дорожили, особенно во время частых пасхальных служб.

В тишине предрассветного часа шаги пономаря звучали гулко, отражались от массивных каменных стен и растворялись под высокими церковными сводами.

Пройдя через хоры, брат Жан открыл маленькую угловую дверцу. В нос ему ударил резкий запах сырости, заставив поморщиться. Узкая крутая лестница – он давно окрестил ее крысиным ходом – вела на колокольню и доставляла ему большие неудобства.

– Вот проклятье! – выругался брат Жан. Оступившись, он больно ударился плечом о стену, постоял какое-то время, растирая ушибленное место и кость на чем свет стоит того, кому пришлось в голову соорудить такую узкую лестницу.

Со дня последней драки в заплеванной таверне в предместьях Орлеана прошло не менее двух месяцев, а плечо – будь оно неладно – продолжало временами ныть. Несмотря на это, воспоминания о том вечере грели ему душу, ибо воскрешали в памяти шальные дни, проведенные на улице Фуарр.

Много лет назад он пришел в Париж из Амьена с тощим кошельком на поясе и одной сменой белья в заплечной суме, но с горячим желанием в короткое время исправить этот досадный недостаток.

Полдня он колесил по Парижу, разинув рот. Как и всякого провинциала, город поразило его воображение своими размерами, шумом запруженных улиц, а главное – количеством таверн, винных погребков и всякого рода питейных заведений.

Везде, а в особенности на Большом мосту, где по одну сторону выстроились лавки менял, а по другую ювелиров, можно было услышать не только любое наречие, существовавшие во французском королевстве, но и чужеземный говор. Разглядывая прилавки в рядах Торговой галереи, где продавали украшения, книги и необыкновенно красивых кукол – изделия парижских мастеров, – он окончательно убедился в великолепии Парижа. Словом, с ним произошло то же, что и с большинством приезжих – он не устоял перед очарованием несравненного города.

На левый берег Сены, населенный преимущественно студентами, клерками и бедными дворянами, он переправился ближе к вечеру и без труда отыскал улицу Фуарр. Она поднималась вверх от реки и выходила прямоком к школам факультета искусств. По вечерам ее закры-

вали двумя шлагбаумами, что, впрочем, никак не стесняло жизнь и передвижение неутомных школяров.

Он спросил у проходившей мимо ватаги студентов, где найти школу «Красной лошади», в которую зачислялись выходцы из Пикардии. Компания не обратила на него никакого внимания, увлеченно обсуждая, как ему показалось, только что прослушанную лекцию. Такое пренебрежение его не обескуражило, напротив, он с завистью глядел вслед удалявшимся студентам, представляя, как и сам вскоре станет частью этого братства.

Школа «Красной лошади» открывала улицу Фуарр слева и была первой среди десятка домов, где нижний этаж служил залом для преподавания, а верхний – съемным жильем для студентов. Покосившийся деревянный конек на ее крыше давно утратил свой первоначальный красный цвет, став бурым с серыми разводами. Да и само здание не мешало бы, если не отремонтировать, то хотя бы подправить. Тем более удивительно на этом фоне общего запустения смотрелась добротная новая дверь, перед которой он остановился, пытаясь унять прыгавшее в груди сердце.

Из открытых окон первого этажа доносилось невнятное бормотание. Он с минуту прислушивался, но так и не смог понять толи лектор продолжает занятие, толи кто-то из студентов бубнит себе под, заучивая урок. После того, как он постучал в дверь, бормотание прекратилось, послышались шаркающие шаги и на пороге школы появился регент – человек неопределенного возраста с тусклым голосом и слезящимися глазами.

Регент внимательно выслушал новоприбывшего, наметанным глазом оценил размер его кошелька, вытер набежавшую слезу и с сожалением объявил, что жилых мест в школе «Красной лошади» нет, но он готов принять ученика для прослушивания курса, если тот найдет себе жилье. И даже был столь любезен, что дал адрес педагоги мэтра Жосса, где, как регент точно знал, можно снять не только комнату, но и получать ежедневный обед.

Дивясь человеколюбию и отзывчивости парижан, он отправился по адресу. Прозрение, конечно, пришло, но много позже. Сердечное участие регента объяснялось просто: мэтр Жосса платил ему процент за каждого направляемого студента. Обещая хорошее жилье и пропитание, регент также, мягко говоря, приукрасил действительность, которая открылась взору бедного амьенца. Вместо комнаты ему предложили угол с полуразвалившейся кроватью, соломенным тюфяком и старым одеялом, украшенным не менее чем дюжиной разноцветных заплат. Что же касается обедов, то при воспоминании о них у брата Жана до сих пор невольно сводило судорогой живот.

Впрочем, став студентом, он быстро научился компенсировать бытовую неустроенность тем или иным способом.

Их было пятеро закадычных друзей, все родом из Пикардии и все балансировали на грани бедности и нищеты. После лекций они частенько отправлялись на правый берег, от скуки задирали грузчиков с Гревской пристани, любезничали с рыночными торговками в обмен на кусок сдобного пирога, и с легким сердцем заканчивали день в какой-нибудь таверне, распивая кувшин дешевого вина.

Такая жизнь их вполне устраивала и все бы ничего, если бы деньги не имели дурного свойства заканчиваться. Когда голод брал их за горло железной рукой, они по очереди писали домой слезные письма, прося у родителей денег. Тут-то и пригодилось красноречие будущего пономаря. Сочиненный загодя текст, он перекраивал в зависимости от обстоятельств и неизменно добивался результатов – деньги приходили.

А где деньги, там всегда найдется более-менее сытная еда, вино и прочие радости жизни. Устроить ночью попойку прямо на соломе в лекторском зале с девицами мамыши Гуло – в этом была особая бравада!

В тот год они прокутили свои скудные гроши удивительно быстро. До Рождества осталось еще два месяца, но уже было ясно, что денег им не хватит. Потягивая кислое вино

из деревянной кружки, – хозяин таверны часто наливал им в долг – будущий пономарь, а пока только бедный парижский студент, обнимал за талию Жанетту, горничную жены королевского нотариуса, и диктовал Этьену письмо:

«Моей дорогой матушке сыновний привет и почтение. Спешу успокоить и обрадовать Вас тем, что, хвала Богу, сын Ваш пребывает в добром здравии и посвящает себя полностью учебе. У меня хорошие, преуспевающие в науках товарищи».

Написав последнее предложение, Этьен не удержался и хохотнул.

«Однако жизнь в Париже слишком дорога, книги, чернила, и прочие нужные студенту предметы стоят дорого, да и башмаки, что Вы прислали в прошлом году, совсем прохудились, так что стало невозможным посещать занятия, не промочив ног».

Этьен поставил жирную точку и покосился на ноги хозяина таверны. Башмаки, отданные тому за долги, прохудившимися отнюдь не выглядели. Подавив вздох – башмаки все-таки ему очень нравились – Этьен продолжил писать под диктовку.

«Дабы нехватка денег не помешала достичь результатов, на которые Ваш сын не без оснований рассчитывает, полагаюсь на Вашу материнскую нежность и прошу выслать мне немного денег. Знаю, что Вы не оставите мою слезную просьбу без ответа и позволите мне завершить обучение и с честью возвратиться в родной край».

На этом следовало закончить письмо заверениями в сыновней любви. Но Этьен, снова покосившись на ноги хозяина таверны, быстро дописал:

«С подателем сего Вы, моя любезная матушка, можете также передать пару новых башмаков».

Колокол церкви Сен-Мерри возвестил об окончании трудового дня. Не прошло и четверти часа, как таверна забилась до отказа подмастерьями шорников и волочильщиков проволоки. Стало не продохнуть, горький запах сбежавшего молока смешался с запахом пота и лука, съеденного еще за обедом. Хозяин приоткрыл дверь и снаружи потянуло осенней прохладой.

Вскоре после того, как дозорный сторож в первый раз прошел по улице, в дверях таверны появился монах-францисканец. Он внимательно огляделся, после чего направился к столу, где сидели школяры, заканчивая последний на этот вечер кувшин вина.

Подсев к ним, монах развязал суму для подаяний, от которой исходил аппетитный дух, и нарочито долго в ней рылся. Цели своей он добился легко: заинтригованные школяры следили за каждым его движением. Наконец францисканец выложил на стол пирог с рыбной начинкой и кольцо свежей колбасы. Колбаса источала такой дивный аромат, что у неизбалованных подобной роскошью студентов, тут же свело скулы.

За столом воцарилось неловкое молчание.

Школяры изо всех сил боролись с искушением, но не могли отвести глаз от аппетитного кольца на столе. Монах с минуту наблюдал за их душевными муками, потом понимающе улыбнулся и пододвинул соблазнительный харч к ним поближе.

– Вот не знал, что мне с этим делать, – сказал со вздохом монах. – Обет, данный мной, не позволяет прикасаться к мясу. Но вы молоды и вам мясная пища пойдет на пользу. Угощайтесь!

Студенты переглянулись и, недолго думая, в считанные минуты разделались с колбасой, а заодно и с рыбным пирогом. Этьен смел в ладонь крошки со стола и, запрокинув голову, отправил себе в рот.

– Вы я вижу совсем на мели, – посочувствовал сердобольный монах, качая головой.

Школяры молчали, ожидая, что за сим последует. Ведь, ясное дело, просто так святые отцы колбасой не делятся, даже при наличии эфемерного обета. Но монах – вот так странность – недолго посидел с ними, поболтал о том о сем, спросил в каком коллеже они учатся и с тем удалился.

Удивительное происшествие нашло свое объяснение несколько дней спустя, когда давешний францисканец как бы случайно повстречался им на улице. Обрадовавшись старым знакомым, он предложил зайти в ближайшую таверну, сам заказал вино и закуску, а когда компания достаточно опьянела, придвинулся вплотную к будущему пономарю.

– Ты, школяр, мне пришлось по душе еще в первый раз, – зашептал он ему на ухо. – Вот и хочу предложить тебе одно немного рискованное, но выгодное дельце.

Предложение францисканца, действительно, оказалось опасным, и первым порывом бедного студента было отказаться. Но чем дольше он слушал коварного монаха, который подобно эдемскому змею, умалял степень проступка и при этом красочно расписывал соблазнительное вознаграждение, тем быстрее таяла его первоначальная решимость. Дело-то и впрямь, сулило неплохой барыш.

– В часовне Ломбардского коллежа в сундуке под замком хранится казна, а в ней 600 золотых экю, – растолковывал францисканец, – в сундук заглядывают редко, так что кражу обнаружат, дай бог, после Рождества, а то и позже. Да и дело-то само по себе неопасное, а главное – верное.

На вопрос, кто же откроет замок, монах ответил, что есть у него дружок по прозвищу Маленький Жан – подмастерье слесаря. Парень хоть и молодой, но по части взлома – настоящий мэтр, ему с любым замком справиться, что чихнуть, в общем, с какой стороны ни посмотри, осечки быть не может.

А от самого-то студента только и потребуется, что постоять настороже и за эту-то пустяковую услугу ему перепадет, не много ни мало, 200 золотых экю.

Названная сумма устранила последние колебания.

Роли распределили следующим образом: студенту поручался караул, Маленький Жан отвечал за взлом замка, а монах-францисканец брал на себя заботу подготовить беспрепятственное проникновение на территорию Ломбардского коллежа. Ему, заявил монах, это труда не составит, поскольку с аптекарем, чей дом соседствует с владениями интересовавшего их коллежа, он уже успел завязать дружбу.

Предприятие, назначенное в ночь на будущее воскресенье, едва не сорвалось в последний момент – Маленький Жан до бесчувствия напился, гуляя на свадьбе у дочери мастера. Злой, как цепной пес, францисканец в течение часа приводил его в чувство, окуная по пояс в бочку с водой в доме старьевщика Буре. Старьевщик, помимо своей основной деятельности, приторговывал краденым, и, по словам монаха, мог им пригодиться, если в часовне кроме мешочка с деньгами они обнаружат кое-что еще.

Титанические старания францисканца не пропали даром – к полуночи Маленький Жан уже мог самостоятельно передвигаться и соображать, что от него требуется. Школяр и монах сбросили длинные платья клириков, облачились в короткую одежду, накинули капюшоны и стали похожи на подмастерьев.

В час, когда добропорядочные горожане видели десятый сон, троица грабителей миновала базилику Святой Женеьевы и ступила на извилистую улочку, направляясь к дому аптекаря.

Вдалеке лаяли собаки, а где-то совсем рядом с глухим стуком билась о стену незапертая ставня. Порывы холодного ветра срывали в садах пожелтевшие листья, недолго кружили их в воздухе, швыряя, в конце концов, под ноги злоумышленников. Несколько робких капель сорвались вниз и растворились в сточной канаве, глубокой бороздой делившей узкую улицу пополам.

Францисканец закинул голову, с удовлетворением всмотрелся в затянутое тучами небо – ни луны, ни звезд, лишь темная вязкая масса.

– Сами небеса благоволят нам, – прошептал он.

Минуту спустя, егко перемахнув через забор, троица оказалась в саду аптекаря. Не успели они сделать и шага, как из темноты, захлебываясь лаем, выскочил хозяйский пес.

– Вот тебе, добрый сторож, – ласково проговорил монах, бросая псу кусок сырого мяса. – А теперь быстро за мной, – скомандовал францисканец, – вон под тем деревом мы найдем лестницу, – он указал в глубину сада, где за силуэтами облетевших деревьев проступала черная громада: стена Ломбардского коллежа.

Маленький Жан действительно оказался мастером своего дела, он в два счета и без лишнего шума открыл боковую дверь часовни. Сложности вышли с замком на сундуке, в котором хранились золотые экю. Маленький Жан бился над ним не менее получаса, но так и не сумел открыть.

– Придется сбивать, – подвел он неутешительный итог своим стараниям.

– Но так кражу обнаружат быстрее, – всполошился францисканец.

– Ничего не поделаешь, – развел руками Маленький Жан, – либо сбиваем, либо уходим ни с чем.

Он вытащил из-за голенища сапога миниатюрный рычаг и отработанным движением поддел замок, который со звоном брякнулся на пол. Внутри сундука лежали два полотняных мешочка и несколько книг в дорогих переплетах. Вместо ожидаемых 600 экю они насчитали 480, но и это казалось целым состоянием!

Ночная экспедиция в часовню Ломбардского коллежа стала первым делом такого рода в жизни бедного школяра. Впрочем, ночные кошмары, в которых он на ватных ногах убегал от преследовавших его полицейских сержантов, мучили его совсем недолго. Так прошла неделя, другая, жизнь потекла, как и прежде: лекции, таверна, девицы мамы Гуло и снова лекции. Гроза разразилась неожиданно в самом начале весны, когда он совершенно успокоился, а проникновение на территорию Ломбардского коллежа, перешло в разряд воспоминаний.

Виной тому, что следователь из Шатле вышел на след грабителей, стала сердечная привязанность Маленького Жана к вину. Как-то раз Маленький Жан, завсегдатай таверны «Шишка», развязал язык и стал хвастаться своими дивными способностями открыть любой, даже самый хитроумный замок. Заметив оскорбительное недоверие слушателей, он в простоте своей пьяной души рассказал о часовне Ломбардского коллежа. Правда, о том, что замок на сундуке он так и не сумел открыть, Маленький Жан не упомянул – эта деталь казалась ему несущественной.

Той же ночью он спал на гнилой соломе в сырой камере Шатле, а утром, не дожидаясь пыток, Маленький Жан во всем признался и охотно сообщил имена сообщников.

Школяра люди парижского прево схватили на хлебном рынке, когда он расплачивался за купленный пирог с жареными почками, среди бела дня на глазах у всех, как обычного воришку.

Такого страха, как в последующие три дня, он никогда больше в жизни не переживал. Правда, в Шатле ытать его не стали – клириков, а все студенты университета принадлежали к этой касте избранных, мог судить лишь церковный суд. Королевский прево и следователь прекрасно об этом знали, но не упускали случая продемонстрировать, что власть короля в Париже – не пустуй звук, впрочем, без особого успеха.

Так получилось и в этот раз. Как только стало известно о заключении студента школы «Красной лошади» в королевскую тюрьму, епископ Парижа и ректор университета сочли это оскорблением, потребовали немедленного освобождения и принесения извинений. Прево противился, ректор доказывал, что ограбление часовни Ломбардского коллежа – дело, касающееся исключительно университета. Епископ Парижа со своей стороны грозил тлучением, если клирика не выпустят на свободу в тот же день, и прево ничего не оставалось как уступить напору

духовной власти. Пойдя на компромисс, он приказал отпустить школяра, но без всяких извинений – слишком много чести для вора!

Оказавшись на воле, школяр, переполненный тюремными впечатлениями, решил покинуть Париж и отправился в Орлеан продолжать обучение. С тех пор прошло немало лет и немало пережил он приключений, пока не остановил свой выбор на аббатстве Святого Аполлинария.

Жизнь монаха его вполне устраивала, особенно с тех пор, как отец-настоятель, поколебавшись какое-то время, оценил его маленький план.

***

В тот момент, когда брат Жан, наконец, поднялся на колокольню, ему показалось, что он уловил какое-то движение во мраке. Пономарь вздрогнул, во рту стало сухо и горько. Необъяснимый страх медленно растекся по телу, сковывая мышцы и завязывая в тугий узел внутренности.

– Эй, тут кто-нибудь есть?! – крикнул брат Жан в темноту хриплым голосом, прежде чем ужас успел окончательно его парализовать.

В ответ – тишина, нарушаемая плеском капель: срываясь с крыш, они нестройно шлепались в огромные лужи на паперти.

Он простоял в совершенном оцепенении несколько минут, время тянулось бесконечно долго. Но как он ни вглядывался, как ни вслушивался, так и не заметил ничего подозрительного. Может, показалось? Шумно втянув ноздрями сырой предрассветный воздух, брат Жан повертел головой, чувствуя, как расслабляются напряженные мышцы.

Он сделал несколько осторожных шагов, отодвинул скамью, вытащил из стены камень и запустил руку в образовавшуюся пустоту. Пыхтя от натуги, он, наконец, извлек искомое – старую деревянную флягу. Жадно прижав губами к горлышку, пономарь шумно пил. Несколько капель пролилось на грудь, и он их с досадой вытер – брат Жан в вопросах еды и питья был строгим экономом.

Допив и взболтнув флягу, пономарь недовольно крикнул – вина осталось совсем мало. Причем вина настоящего, а не того безмерно разбавленного водой, что подают в трапезной. Монастырское вино брат Жан называл водицей и пил с неохотой. Ему по душе было вино, от которого кровь, словно огонь, пробегает по жилам.

– Пора пополнять запасы. На днях отпрошусь у аббата в Орлеан. Пусть только этот визитатор уедет, принесла же его нелегкая.

Звук собственного голоса, ставшего естественным после нескольких глотков вина, успокоил брата Жана.

– Вот ведь померещилось! Срам, если кто узнает! – Засмеялся пономарь. – Да и кому тут быть, в это время самый сон.

Размышления вслух окончательно восстановили его душевное равновесие.

– Однако же пора звонить. Эх, братья, сейчас я прерву ваши сладкие дремы, – брат Жан, посмеиваясь, ухватился руками за веревку и громкий удар колокола разрезал сырой осенний воздух.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Матье де Нель прислушался. Неужели он проспал или в колокол действительно ударили только раз? Странно, у него всегда был чуткий сон, тем более на новом месте. А дождь, кажется, утих – вот и отлично.

Накануне по распоряжению аббата Симона в спальню викария принесли жаровню – ещё одна привилегия доступная только отцу-настоятелю и важным гостям. Камин, несмотря на свои размеры, слабо прогревал высокие комнаты, отведенные визитатору, поэтому, когда к вечеру погода окончательно испортилась, жаровня оказалась очень кстати.

За дверью слышалась возня и позвякивание медного таза – Жакоб успел побеспокоиться о горячей воде для бритья. Он протиснулся в комнату с чистым полотенцем через плечо и тазом, над которым поднимался густой пар.

Монахи брили друг друга раз в неделю, собираясь для этого в большой комнате рядом с баней, а Матье де Нель с первых дней заточения в аббатстве поставил себе за правило всегда быть чисто выбритым. Этот, пусть и незначительный, но все-таки символ мятежа, тешил его уязвленное самолюбие.

Привычку к частому бритью он приобрел еще при дворе, пользуясь услугами королевского цирюльника – вот как далеко зашла благосклонность Людовика Валуа. Монаршего расположения он лишился в одночасье, а привычку сохранил, что многих раздражало. Впрочем, сплетничали за спиной, никто открыто не решался осудить племянника Его Преосвященства за столь мирское радение о своей внешности.

– Я так и подумал, что вы уже давно встали. Боялся, не успею, а все из-за брата Юбера, – пожаловался Жакоб.

– Хранителя бритв? – спросил Матье де Нель, усаживаясь на скамью лицом к окну.

– Его самого. Все ноги сбил из-за него, святой отец, еле нашел, а с ним знаете, что произошло?

Жакоб затрясся от смеха, бритва в его руке дрогнула, оставив на щеке викария небольшой порез.

Матье де Нель отпрянул.

– Осторожней! Или ты решил меня зарезать?

– Ой, святой отец, простите, никак не хотел! – испуганно засуетился Жакоб. —

Это все из-за брата Юбера.

Викарий вытер полотенцем кровь.

– Не юли, Жакоб. Он-то здесь причем?

В ответ Жакоб расхохотался, да так, что у него на глазах выступили слезы. Вытирая их рукавом рясы, он снова взмахнул бритвой. Матье де Нель поспешно отклонился.

– Вы не поверите, святой отец, но брат Юбер весь вчерашний день животом маялся, а ближе к рассвету не утерпел, побежал к санитарному брату за лекарством. Мне, конечно, и в голову не пришло искать его в лазарете, – Жакоб повернул голову викария с намерением продолжить бритье.

Матье де Нель покосился на острое лезвие.

– Знаешь, Жакоб, мне кажется, будет лучше, если сегодня я останусь небритым.

– Ну, уж нет! – Жакоб спрятал бритву за спину. Привилегию брить викария он отстоял в долгих баталиях и очень ею дорожил. – Не тревожьтесь, святой отец, я буду осторожен.

Матье де Нель обреченно закрыл глаза, подставляя левую щеку самозваному брадобрею.

– Ну так вот, – весело продолжал Жакоб, – когда я, наконец, отыскал брата Юбера, он стал жаловаться на беспорядок в ларце. Он, говорит, вчера все бритвы аккуратно сложил, а кто-

то без его ведома все взял да перерыл, а одна и вовсе пропала. Врет, ясное дело. Ну, да бог с ним. Хотите лучше узнать, как вас здесь величают?

– М-м-м-, – промычал в ответ викарий, оттягивая вниз верхнюю губу.

– Епископский досмотрщик, – хохотнул Жакоб. – Сам слышал, как келарь с ризничим о вас говорили. Келарь так возмущался – аж слюной брызгал. Да, нагнали вы на них страху, рыская по кухне.

– Слей-ка мне на руки, – попросил викарий. Он тщательно умылся, вытер лицо и принялся рассматривать свое отражение в зеркале. – Видишь ли, Жакоб, я, разумеется, совсем не против подношений, но видя желание сразу же подкупить меня манускриптом, не удержался и решил проявить придирчивость. Если сразу обнаружить строгость, а потом милость, последнюю будут ценить больше, – викарий отдал зеркало Жакобу и направился к двери, бросив через плечо. – Поторопись, капитул скоро начнется.

***

Ризничий открыл глаза и уставился в высокий потолок кельи долгим немигающим взглядом. Надо же, какой ужасный сон опять ему приснился!

Сон был ужасен и тяжел. В нем брат Антуан прятал под рясой бронзовый светильник и кадильницу. И за сим недостойным занятием его застал, приехавший третьего дня, викарий.

Ну почему так бывает, что хорошие, легкие и праведные сны прерываются от малейшего шороха, а в страшных снах как будто вязнешь и не можешь проснуться? Вот и колокол умолк, а это значит, что он проспал, хотя должен был подняться с первым его ударом.

– Все это очень странно, – пробормотал ризничий, пристраиваясь к веренице спускавшихся по лестнице монахов.

Нахлобучив капюшоны и ссутулившись от пробиравшего до костей влажного воздуха, монахи гуськом направлялись в зал капитулов, прижимаясь к стене крытой галереи, которая опоясывала клуатр по периметру. За ее арочной колоннадой мелькал внутренний двор, превращенный сейчас в огромную грязную лужу с торчавшими кое-где островками все еще зеленой травы. Четыре каменные дорожки, ведущие к колодцу в центре клуатра, скрылись под водой, а на поверхности беспорядочно плавали желто-багряные листья, занесенные сюда порывами ветра из монастырского сада.

Цепочка семенивших монахов уперлась в закрытые двери и остановилась. Ризничий сжал в тонкую нить бескровные губы – каждый раз одно и то же! Теперь придется ждать пока его высокопреподобие соизволит явиться или пришлет своего прихвостня, брата Армана, дабы открыть дверь на лестницу, что ведет в зал капитулов.

Неожиданно со стороны внешнего двора донесся крик, эхом разнесся по аббатству, повторился снова и внезапно захлебнулся. Цепочка, скукавших в ожидании отца-настоятеля монахов, вздрогнула, изогнулась, островерхие капюшоны завертелись в разные стороны. Ризничий недовольно обернулся.

– Что там происходит?

– Не знаю, – пожал плечами, стоявший за ним монах. – Надо бы пойти посмотреть.

– Неслыханно! – прошипел ризничий. – Именно в то время, когда в обители визитатор. Братия совершенно отбилась от рук – то смех, то дикие крики. Неслыханно!

– Вы абсолютно правы, брат Антуан, – согласился монах. – Но сейчас мы узнаем причину переполоха. Вон, бежит прекантор¹⁴. Да на нем лица нет! Верно какое-то несчастье.

Цепочка монахов окончательно распалась на отдельные звенья, образовав вокруг прекантора плотное кольцо. Ризничему пришлось усердно поработать локтями, чтобы протиснуться вперед.

---

¹⁴ Преантор – старший певчий

– Это вы кричали, брат прекантор? Поднять такой шум перед началом капитула, да еще во время визитации! Надеюсь, вы сможете оправдать свой дерзкий поступок?

Брат прекантор был белым, словно выбеленная известью стена. Он вращал выпученными глазами и силился что-то ответить ризничему, но лишь беззвучно открывал рот.

– Ни дать, ни взять – рыба, вытащенная из воды. Ну что, вы так и будете ловить ртом воздух? – брат Антуан едва сдерживал, готовый вырваться наружу, гнев.

– Что здесь происходит? – раздался сзади голос аббата Симона.

Монахи расступились, давая дорогу настоятелю. К прекантору наконец вернулась способность говорить. Он указал в сторону храма:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.